

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 373-381, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).07

To the Issue of the Influence of Islam in Chechen Uprising in 1825 year

Vladimir B. Lobanov ^{a, *}, Dmitry V. Ovsjannikov ^b, Timur M. Karmov ^b

^a St. Petersburg State Forestry Engineering University, Russian Federation

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

In the article the authors analyze the causes, course and results of the rebellion of the highland plains of Chechnya and Dagestan in 1825. The special attention is given to the Muslim religion, which acted as an ideological factor in the formation of military-political confrontation of mountain peoples of the Caucasus and the Russian Empire. Analyzing the role of the leaders of the movement, such as Bay-Bulat Taimiev, the authors come to the conclusion that at this stage of confrontation with Russia, the mountaineers were able to rally not only the strong hand of military leader, but also islam. The relatively recent adoption of islam Vainakh tapes, and therefore low religiosity has led to the fact that the Muslim clergy were in a subordinate position in relation to the military-political leadership. The authors also share the concept of «Jihad» and «Gazavat» and conclude that for the highlanders Chechnya this movement had the character for «Gazavat» or struggle under religious banners in defense of its own territory, while Jihad must be understood as a struggle for the spread of Islam. The important issue is the formation of the foundations of statehood of the Chechens in the military-political events, the organization of institutions of local administrative authorities. These measures have helped Bay-Bulat to consolidate disparate and often warring highland society a common goal, and islam helped to overcome the intergeneric and intertribal tensions and marked the beginning of the folding of the Chechen nation. All this the authors parse based on the extensive material, including unpublished archival sources.

Keywords: islam, Caucasus, Chechnya, Sharia, tariqa, highlanders.

1. Введение

Борьба горских народов Северо-Восточного Кавказа против вхождения в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. представляет собой особую главу в отечественной истории. События длительного процесса присоединения данного региона с самого своего начала привлекали пристальное внимание современников. Являясь эпохальным явлением в истории кавказских народов, борьба горцев Чечни и Дагестана заняла достойное место в трудах как отечественных, так и зарубежных историков.

В то же время ряд аспектов, связанных с духовно-религиозным фактором и его ролью в сопротивлении горских народов не получил вплоть до настоящего времени должного исследования в специальной литературе. В частности, необходимо заметить недостаточную изученность горского мусульманского духовенства, его структуры, положения в обществе, процесса становления, политической роли и т.п. На наш взгляд, во многом это было связано с тем, что в рамках доминирования формационного подхода ключевая роль в исследованиях отводилась исключительно экономическим, политическим и социальным факторам. С другой стороны, раскрытие исламского фактора было существенно затруднено тем, что практически отсутствовала источниковая база в достаточном количестве.

* Corresponding author

E-mail addresses: lobanov19772009@yandex.ru (V.B. Lobanov), warg-d@yandex.ru (D.V. Ovsjannikov), t.karmov@spbu.ru (T.M. Karmov)

Рассматриваемая эпоха породила целую плеяду героических личностей по обе стороны фронта. Как в отечественной, так и зарубежной историографии феномен имамата и персона без преувеличения великого имама Шамиля своей тенью заслонили другие события, и исследователи незаслуженно обделили их вниманием. Так, чеченский «фронт» Кавказской войны гораздо менее изучен, чем события в соседнем Дагестане. В данной статье мы попытались проанализировать идейные основы (исламский фактор) в ходе восстания 1825 г. в Чечне, а также ту роль, которую сыграли отдельные лидеры горского общества в этом контексте.

2. Материалы и методы

Источники, на которые мы опирались, стоит разделить на две категории. К первой категории следует причислить неопубликованные архивные документы Российского государственного исторического архива (РГИА). В работе над статьей нами были использованы документы из личных фондов М.Т. Лорис-Меликова (Ф. 866) и И.Ф. Паскевича-Эриванского (Ф. 1018) (РГИА: Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 6; РГИА: Ф.1018. Оп. 3. Д. 255. Л. 4).

Ко второй категории источников относятся отчеты, рапорты, донесения, обзоры вышестоящему начальству о военно-политических событиях на Северном Кавказе в данный период. Огромную роль при написании данной работы сыграли материалы, содержащиеся в «Актах Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1875). Все это позволило нам приблизиться к решению поставленной задачи.

Для того чтобы раскрыть обозначенную выше проблему, необходимо сделать обзор того как данный сюжет отображался в отечественной и зарубежной историографии.

Несмотря на слабое отражение в работах по истории Северного Кавказа религиозного аспекта горского сопротивления, имеются материалы, которые мы использовали в данном исследовании. Если сосредоточить внимание сугубо на географических рамках (т.е. на территории нынешней Чеченской Республики) и не затрагивать сопредельный Дагестан, то стоит отметить таких исследователей, как Л.Н. Колосов и А.Б. Закс, которые справедливо считали необходимым уделять особое внимание роли отдельных личностей в борьбе горцев (Колосов, 1991; Закс, 1992). Петербургский историк и выдающийся Ю.Ю. Карпов горских народов Северного Кавказа упоминает также и чеченцев в контексте исламской идентичности в исторической ретроспективе (Карпов, 1996). Московский историк и востоковед В.О. Бобровников также анализирует вопросы ислама на Кавказе и его места в общественной жизни горцев (Бобровников, 2002).

Говоря о зарубежной историографии вопроса, необходимо отметить вклад в изучение истории ислама в Кавказской войне англоязычного автора А. Зелькиной. Однако следует отметить, что ее работы имели политизированный оттенок в связи с тем, что выходили в годы вооруженного противостояния на Кавказе в постсоветский период. Подход западных исследователей не только не являлся беспристрастным, но был скорее алармистским ввиду политического давления на руководство Российской Федерации в связи с конфликтом в Чечне со стороны политических элит Запада. Характерным моментом было то, что издания подобного рода выходили при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США), а также Фонда Андрея Сахарова (Zelkina, 1996; Зелькина, 1999). Также следует упомянуть работы таких крупных англоязычных кавказоведов как израильского историка М. Гаммера, американских исследователей М. Ходарковского, М. Мамедова (Gammer, 2013; Khodarkovsky, 2008; Khodarkovsky, 2011; Mamedov, 2008).

К зарубежной ветви исследователей стоит также причислить М.М. Вацагаева – историка и политика (что неизбежно влияет на ангажированность), бывшего пресс-секретаря президента самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерия А.А. Масхадова. Однако выходящий под его редакцией историко-культурологический онлайн журнал «Prometheus», а также его оригинальные исследования по истории чеченского народа в Новое время представляют определенный интерес (Вацагаев, 2003).

В то же время работы современных исследователей из Чеченской Республики по данному вопросу являются достойным продолжением отечественной научной мысли. Методология их исследований остается сугубо в научном поле, они не впадают в преклонение перед нарративом, а вписывают исторические факты в научные схемы и объективно подходят к изучению этих актуальных вопросов. Научный коллектив Академии наук Чечни во главе с Ш.А. Гапуровым при участии Я.З. Ахмадова, Ш.Б. Ахмадова и др. делает успешные попытки объективного освещения истории чеченцев в Новое время (Ибрагимов, 2008; Ахмадов, 2002; Ахмадов, 2009; Гапуров, 2002; Гапуров, 2003; Гапуров, 2007; Гапуров, 2008; Гапуров, 2014).

На международной научной конференции «Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений», посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (Грозный, 12–13 ноября 2014 г.), была предпринята довольно успешная попытка систематизировать имеющиеся подходы в освещении малоизученных аспектов истории вайнахского общества в этот период, и роли ислама в частности. В то же время в очередной раз был сделан вывод о том, что вопрос генезиса и эволюции ислама как существенного фактора в военно-политических событиях на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. требует более пристального исследования. Проблема усугубляется тем, что религиозный аспект не являлся специальным предметом изучения.

А работы по истории ислама на Кавказе фактически обходят вниманием вопрос вооруженной борьбы в переломный для горских народов XIX в.

3. Обсуждение и результаты

В первой четверти XIX в. большую популярность среди чеченцев завоевывает Бей-Булат Таймиев, состоятельный уздень, уроженец селения Илсхан-Юрт. Он родился предположительно в 1779 г. в семье колесного мастера Тайми из тейпа Билтой (самого многочисленного тукхума Нохчмахкахой) в одном из селений Шалинского общества. В своих предприятиях (устранение конкурентов среди соплеменников-чеченцев, организация набеговых партий на казачьи станицы) он пытался объединиться для совместных действий с родственными ингушами и соседними кабардинцами.

К концу 1810-х гг. его авторитет укрепляется, и он становится общепризнанным военно-политическим лидером среди чеченцев (Гапуров, 2002: 285). К 1820-м гг. Бей-Булат пытается привлечь народы Дагестана к повстанческой борьбе против России. Так, по одному из сведений в 1823 г. предположительно он специально отправился в Дагестан в целях попытки организовать добровольческие отряды из дагестанских народов (Волконский, 1886: 46). Но Дагестан тогда был охвачен новым идейным учением, и местных горцев больше занимала борьба с дагестанскими феодалами и представителями русской военной администрацией, которая поддерживала последних. Однако эта поездка не была безрезультатной: Бей-Булат привез в Чечню муллу Магомеда (Блиев, 1994: 227) или, как называет его Н.А. Волконский, дагестанского муллу Магому (Волконский, 1886: 47).

«С весны 1824 г. по всей Чечне духовенство развернуло масштабную идеологическую деятельность, призывая народ к борьбе за веру и свободу», – отмечает Ш.А. Гапуров (Гапуров, 2002: 339). Это стало прологом к знаменательному событию в процессе консолидации вайнахских обществ. Внешним фактором, повлиявшим на специфику данных процессов в том же 1824 г. стала агитация против России с использованием панисламских лозунгов как со стороны Османской империи, так и Персии (РГИА. Ф.1018. Оп. 3. Д. 255. Л. 4).

29 мая 1825 г. Бей-Булату удалось собрать на «всечеченский» съезд, или «Совет страны» (Мехкхел), представителей соседних ингушских обществ, карабулаков (*орстхой*) и кумыков, которые были привлечены к борьбе. Для поднятия авторитета собрания у религиозных горцев специально были приглашены дагестанские богословы. Если доверять единственному источнику – Н.А. Волконскому, то можно сделать вывод, что восстание в Чечне 1825 г. было первым проявлением идей мюридизма на Кавказе. Это мнение утвердилось в работах отдельных исследователей, так как Волконский указывает, что среди прочих участников «Совета страны» «особое внимание обращали на себя мулла Кодухский и Гаджи Казикумухский» (Волконский, 1886: 75-76). Волконский считал, что под именем последнего на собрании присутствовал Магомед Ярагский. Причем присутствие лезгинского алима, мюршида суфийского тариката Накшбандийя, родоначальника идей мюридизма и духовного покровителя будущих имамов, он доказывает тем, что в это время проповедник из Ярага не был в Дагестане. Главным аргументом в подтверждение своей правоты Волконский ставит тот факт, что якобы «речь, которую он произнес 29 мая, совершенно тождественна со всеми его проповедями в Дагестане» (Волконский, 1886: 75-76). Но на наш взгляд это в корне не верно, так как сам вопрос о пребывании Магомеда Ярагского в Чечне весьма спорен. Во-первых, упоминание о присутствии на съезде встречается только у Волконского. Во-вторых, в источниках нет данных, что Магомед Ярагский покинул Дагестан после принятия им сана мюршида тариката Накшбандийя, т.е. после 1823 г. И наконец, стоит учитывать объективные препятствия в виде природных и географических условий. Таким образом, появление лезгинского богослова в Чечне на наш взгляд представляется маловероятным.

Скорее всего, упомянутые Волконским дагестанские богословы 29 мая приняли приглашение для того, чтобы убедить собрание, что их земляк – «мулла Маюртупский действительно пророк и бог избрал его...» (Волконский, 1886: 78). С их помощью народное собрание признало и утвердило Магомеда Майртупского имамом Чечни.

Вслед за Волконским историки XIX и XX вв. также полагали, что начавшееся после съезда восстание стало первым проявлением движения мюридизма на Северном Кавказе (Волконский, 1886: 51; Ковалевский, 1911: 157; Потто, 1904: 315; Магомедов, 1991: 35; Фадеев, 1960: 53). Так, советский историк В.П. Мирко, исследуя социально-политические процессы у кабардинцев, отмечал, что у их соседей-вайнахов под влиянием мусульманского воинствующего учения секты мюридов в 1824 г. вспыхнуло восстание, что можно рассматривать как одно из первых вооруженных выступлений на Кавказе под флагом мюридизма. Историк А.Л. Нарочницкий также указывал на то, что в середине 1820-х гг., «став во главе вооруженных выступлений, воинствующие проповедники ислама пытались подчинить народ своей власти, объединив его под знаменем религиозной идеологии мюридизма, которая уже в то время начинала распространяться на востоке Чечни и в сопредельных районах Дагестана... В 1824 г. в Восточной Чечне поднял восстание уздень Бейбулат Таймазов» (История народов, 1988: 37). Современный исследователь С.-У.Г. Яхияев пришел к выводу, что тарикат в первой четверти XIX в. пустил свои корни и в Чечне, где уже были устазы тариката, среди которых упоминают шейхов Абдул-Кадыра, Магомеда из Майртупа, Авко, Ахмета и Уди-муллу. Тарикат

Накшбандийя якобы к тому времени в Чечне имел свою организационную структуру и от него отпочковалось около «двух десятков дочерних братств, во главе каждого из которых был свой мюршид-учитель». На наш взгляд этот вывод не соответствует действительности. В Чечне к 1825 г. не успела бы сложиться суфийская организация, так как доктрина мюридизма получит развитие именно в Дагестане, а в Чечне первым шейхом, посвященным в тарикат Накшбандийя, будет Ташу-Хаджи в конце 1820-х – начале 1830-х гг. (Овсянников, 2012). А титул шейха, применяемый к вышеназванным религиозным деятелям, следует рассматривать лишь как указание на то, что они являлись представителями иерархии мусульманского духовенства.

В работах кавказоведов сложились спорные точки зрения на определение характера чеченских событий 1825 г. Одни исследователи считают, что это было народное восстание горцев против «колониальной политики царизм». Другие полагают, что восстание носило религиозный оттенок и проходило под лозунгами джихада и газавата с высокой степенью влияния исламского фактора на развитие и ход восстания. Причем эти понятия отождествляются историками, что является ошибочным. Так, «джихад» (дословно – усердие на пути к Аллаху) – это борьба за распространение веры (необязательно вооруженная), а «газават» – это непосредственно вооруженное выступление в защиту веры.

Рассматривая вопрос о степени влияния духовенства на характер восстания 1825 г. в Чечне видный исследователь Ш.А. Гапуров приходит к выводу, что религиозный аспект был лишь вспомогательным фактором в подготовке восстания, и духовенство играло второстепенную роль, подчиняясь Бей-Булату. Тезис о том, что горцы объявили России религиозную войну, им оспаривается. Подчиненность духовенства выразилась в церемонии избрания имама, которая была инспирирована Бей-Булатом. Только после того как последний поклялся на Коране в истинности слов Магомеда, тот был поддержан остальными чеченцами (Потто, 1994: 131).

В Чечне, на наш взгляд, был провозглашен именно «газават» против экспансии России. Данный тезис подтверждается тем, что зачаточные формы государственности, которые возникли в Чечне с мая 1825 г. (после съезда), отличались от последующего теократического устройства имамата, созданного в 1830–1850-е гг. Тем не менее, исламский фактор в событиях 1825 г. играл значительную роль. «Слово «газават», призыв к войне, сорвалось в собрании», – писал П.И. Ковалевский (Ковалевский, 1911: 157). В итоге на «Совете страны» имамом с подачи Бей-Булата стал Магомед Майртупский как духовный глава горских повстанцев, а военным руководителем – сам Бей-Булат (РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 6). Также были избраны «тургаки» – главы селений, которые представляли собой административную власть на местах. Представители чеченских вольных обществ и муллы дали клятву подготовить население к борьбе с российской властью и «выдвинуть его» под знамя Бей-Булата «по первому зову» (Гапуров, 2002: 342; Волконский, 1886: 79–80).

Таким образом, это распределение властных полномочий стало первым проявлением административных институтов в Чечне. По мнению Н.И. Покровского, решения, принятые на собрании, стали «первой попыткой установить свою администрацию» в чеченском обществе (Покровский, 2000: 143). М.М. Блиев и В.В. Дегоев пришли к выводу о том, что события в Майртупе в мае 1825 г. «символизировали начавшийся процесс... этнической консолидации» и «формирования народности» чеченцев (Блиев, 1994: 233).

Бей-Булат использовал исламские нормы как цементирующую основу для объединения горцев Чечни. В своих призывах на совете он говорил, «что Бог, наконец, сжалился над своими людьми и послал им пророка, который должен их очистить от грехов и заблуждений и освободить от врагов; что все мусульмане обязаны примириться друг с другом, изменить свой образ жизни, следовать шариату, не воровать ничего у своих соплеменников и соединиться дружно и тесно для общего дела – восстания против русских» (Волконский, 1886: 78). Упоминание о нормах шариата, прекращении воровства и единении всех вайнахов в борьбе уже высказывались шейхом Мансуром, что отметил Ш.А. Гапуров (Гапуров, 2002: 152). Это также отражает рост влияния религиозных идей на принятие политических решений лидерами народно-освободительных движений на Северном Кавказе.

И наконец, на съезде было решено немедленно начать восстание против России, после чего «чеченцы с воодушевлением стали спланиваться во имя новой религии» (Экштут, 1994: 112).

Вместе с тем генерал-майор Н.В. Греков не обращал внимания на донесения кумыкского князя Мусы Хасаева и кумыкского пристава капитана Филатова о народных волнениях, так как считал чеченцев усмирёнными ежегодными карательными экспедициями в их земли.

В конце июня 1825 г. в Чечню прибыли свыше 300 лезгин во главе с гембетовским кадием Дибир-Али и аварским чанкою Андаловым (Волконский, 1886: 89). В это же время имам Магомед Майртупский объезжал Большую и Малую Чечню, подготавливая восстание (Гапуров, 2002: 352). Начало было положено осадой укрепления Злобный Окоп, который был взят горцами во главе с Яхья-ханом. А имам Магомед с частью сил пошел в Кумыкию разжигать восстание в равнинном Дагестане, в то время как Бей-Булат направился в земли родственных ингушских и карабулакских обществ.

Стратегическое значение Кумыкской плоскости было осознано горскими предводителями. Используя наступательную инициативу, было решено атаковать укрепления Герзель-аул и Амир-Аджи-Юрт (Волконский, 1886: 126). Успех сопутствовал горцам, и Амир-Аджи-Юрт был взят

чеченцами, к которым присоединилась часть кумыков (Фадеев, 1960: 53). «Слухи об этой удаче, в десять раз увеличенные, разнеслись по горам. Вера в пророка сделалась непоколебимою, и скоро многие смежные с чеченцами народы, даже часть постоянно покорных нам кумыков, пристали к бунту, и в несколько дней собрались до 3 000 горцев, исполненных отваги и суеверной надежды на будущие успехи» (Сахно-Устимович, 2006: 157).

В тот же день был осажден Герзель-аул. Русский гарнизон храбро держал осаду семь дней. 27 июля Греков и его начальник генерал-лейтенант Д.Т. Лисаневич отбросили осаждавших. На следующий день русские генералы в целях наказания кумыков, на чьей земле произошли столь дерзкие нападения, пригласили в редут 300 жителей Аксая, намереваясь их арестовать. Лисаневич, владея местными наречиями, стал их ругать по-кумыкски и, угрожая наказать за измену, приказал им сдать свои кинжалы. Один из горцев, упоминаемый в источниках как Хаджи Учар Якуб, отказался сделать это. Греков в гневе ударил его по лицу, на что Якуб кинжалом нанес смертельные ранения самому Грекову, а также Лисаневичу и еще двум офицерам. Умирая, Лисаневич велел солдатам перебить всех горцев (РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 16. Л. 6). Все 318 горцев были переколоты штыками.

После резни в Герзель-ауле участник подавления чеченского восстания Сахно-Устимович писал: «Явился новый пророк. Который опять предсказал несомненную удачу [речь идет о Магомед Майртупском. – Авт.]. Посланы были нарочные ко всем соседственным горцам, чтобы и их склонить к участию в общем для всех мусульман деле; и можно было опасаться, что все народы, находящиеся на левом фланге линии, от Владикавказа м Сунжи до Каспийского моря, даже Северный Дагестан, поднимут против нас оружие» (Сахно-Устимович, 2006: 159). И действительно, массовое убийство горских старшин вызвало мятеж жителей Аксая. Основная их часть (вместе с жителями Эндирея) во главе с кадием ушла в лес и обратилась за помощью к Бей-Булату. Восставших поддержали жители других кумыкских селений Эрпели, Казанища, Карабудахкента, Губдена и Ишкарты. «Бунт в этом крае стал поголовным», – отмечает современник (Волконский, 1886: 126). В пик восстания, когда под контролем горцев находились Северная Кумыкия, равнинная Чечня и примкнувшая часть карабулаков и ингушей, численность восставших была от 6 до 7 тысяч.

Участие жителей Северной Кумыкии в восстании заставило генерала А.П. Ермолова уделить и этому району пристальное внимание. В дальнейшем, опасаясь нового возмущения в этом стратегически важном месте Дагестана, он предписывал начальнику Кавказской линии ограничить произвол российских военных над кумыками. «Обратите особенное внимание на расположенные в крепости Внезапной и укреплении при Таш-Кичу гарнизоны, которые чрезмерными требованиями своими обращаются в крайнюю тягость жителей и возбуждают их ропот, – указывает главнокомандующий 30 апреля 1826 г. – Требуйте, чтобы, во всяком случае, офицеры и нижние чины обращались с жителями ласково и снисходительно; в особенности наказывайте строго малейшую наглость против женщин, ибо нескромное с ними поведение наиболее озлобляет мусульман» (АКАК, 1875: 565).

Расположив сильный отряд в селении Эндери, Ермолов устранил желавших примкнуть к чеченцам, а приласкав невоевавших, он обеспечил себе поддержку в их среде. Аксаевцы за участие в осаде Герзель-аула были наказаны переселением на р. Таш-Кичу под надзор укрепления (Гапуров, 2002: 367). И к середине лета кумыкские уздени отходят от восставших.

В целом 1825 г. выдался в Дагестане относительно спокойным, что позволило все военные силы края направить на подавление восстания в Чечне. «Тишина в Дагестане давала мне полную свободу действовать против чеченцев и строго наказывать их», – писал «проконсул» в 1825 г. в своих дневниковых записях (Ермолов, 1991: 415).

Наступательная инициатива была за горцами, а отсутствие активных действий русских войск в Чечне осенью стало апогеем власти, достигнутой Бей-Булатом. Созывались регулярно собрания для решения вопросов движения. Бей-Булату был пожалован титул «Мехкан да» – «владелец страны» (Гапуров, 2002: 372).

Несмотря на удачный ход борьбы и поражение отряда русских войск под командованием подполковника Т.В. Сорочана в Ханкальском ущелье 6 октября, многие горские крестьяне вынуждены были покинуть лагерь повстанцев в связи с уборочными работами. Одновременно горцы несли заметные потери в живой силе. В конце осени от восстания отошли надтеречные чеченцы. К концу года уставшее от войны население отказывалось дальше поддерживать Бей-Булата. Как свидетельствует Сахно-Устимович, «1 февраля [1826 г. – Авт.] не слышно было ни одного выстрела, и не видно ни одного чеченца!.. В этот же день явились многие жители Большой Атаги, депутаты от деревни Большой Чечень, деревни Шевдон и от половины деревни Альды с повинной головою и с просьбами о пощаде» (Сахно-Устимович, 2006: 166).

Несмотря на все вышесказанное, одной из основных причин поражения восстания было отсутствие именно консолидации горских народов. Как отмечали исследователи восстания, «религиозность в Чечне невысока, а в Ичкерии и вовсе слаба» (Гапуров, 2002: 402). Кроме того, сами лидеры не отличались высокой религиозностью и подчинили себе представителей мусульманского духовенства, которые могли бы при наличии всей полноты власти поднять роль исламского фактора на более высокий уровень, как ранее это сделал кадий Абдул-Кадыр. Руководящую роль взяли на себя

лидеры набеговых партий, такие как Бей-Булат, Астемир и др. Это были отважные наездники и воины, для которых военный промысел стал основой существования.

Н.И. Покровский писал по этому поводу: «Магома был провозглашен вождем священной войны, имамом. Но фактически во главе восстания стоял Бейбулат. Этот факт говорит о сравнительной слабости мюридистских идей, да и вообще магометанских идей в Чечне. На первом плане в движении – не мулла, как это всегда бывало позднее, а светский вождь» (Покровский, 2000: 143).

4. Заключение

Таким образом, в ходе восстания в Чечне в 1825 г. имам был провозглашен не на совете («шура») духовных лиц, а всенародно. Решение о всеобщем антироссийском восстании также принималось народным собранием. Оно и заложило основы вайнахской государственности. Духовенство в этой военно-политической системе играло подчиненную роль.

Готовя массовое восстание на территории Чечни, Бей-Булат Таймиев стремился объединить не только чеченские общества, но и старался заручиться поддержкой со стороны близкородственных вайнахов (ингушские и карабулакские общества), а также соседних народов Дагестана, в особенности кумыков. Можно утверждать, что за этим просматривался далеко идущий план создания союза народов Северо-Восточного Кавказа.

Нельзя не упомянуть об изменении политических методов русских властей по отношению к горцам. Так, Ермолов начинает отказываться от одностороннего применения только силовых мер при установлении и укреплении российского господства. В его подходе к этому наблюдается теперь определенная гибкость, стремление разобраться и в какой-то мере учесть в своей политике специфику, особенности социальных отношений в горской среде.

Таким образом, восстание 1825 г. стало следующим этапом Повстанческого движения горцев Чечни. В ходе него были заложены основы государственных институтов в вайнахском обществе, которое совершало переход от «военной демократии» к феодализму. Но двоевластие в Чечне (духовное руководство в лице имама и военное в лице Бей-Булата) не позволило объединиться на основе единой идеологии чеченским тейпам. Религиозность многих руководителей движения была под большим сомнением, исламский фактор в данный период времени играл лишь подчиненную роль.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.279.2014.

Литература

- АКАК, 1875 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1875. 954 с.
- Ахмадов, 2002 – Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 528 с.
- Ахмадов, 2009 – Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках М.: «Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы», 2009. 422 с.
- Блиев, 1994 – Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
- Бобровников, 2002 – Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М. «Восточная литература», 2002. 368 с.
- Вачагаев, 2003 – Вачагаев М. Чечня в Кавказской войне XIX ст.: события и судьбы. Киев, 2003. 367 с.
- Волконский, 1886 – Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 год в связи с мюридизмом. // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1886. С. 1 – 224.
- Гапуров, 2002 – Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик: «Эль-Фа», 2002. 448 с.
- Гапуров, 2003 – Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827 гг.) Нальчик: «Эль-Фа», 2003. 381 с.
- Гапуров, 2007 – Гапуров Ш.А., Израйлов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии). Нальчик: «Эль-Фа», 2007. 310 с.
- Гапуров, 2008 – Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат, 2008. 482 с.
- Гапуров, 2014 – Гапуров Ш.А., Гациева Т.И. Страницы истории российско-чеченских отношений (конец первой трети XIX века). // Фундаментальные исследования. № 9-9. 2014. С. 2096–2101.

- Еромолов, 1991** – *Еромолов А.П.* Записки А.П. Еромова. 1798-1826. М.: Высшая школа, 1991. 475 с.
- Закс, 1992** – *Закс А.Б.* Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. Грозный: «Книга», 1992. 152 с.
- Зелькина, 1999** – *Зелькина А.* Ислам в Чечне до российского завоевания. // Чечня и Россия: общества и государства. М.: «Полинформ – Талбури», 1999. С. 40-62.
- Ибрагимов, 2008** – *Ибрагимов М.М.* История Чечни с древнейших времен до наших дней. Том I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
- История народов, 1988** – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: «Наука», 1988. 670 с.
- Карпов, 1996** – *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.
- Ковалевский, 1911** – *Ковалевский П.И.* Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб.: тип. М.И. Акинфиева, 1911. 334 с.
- Колосов, 1991** – *Колосов Л.Н.* Славный Бейбулат. Грозный, «Книга», 1991. 173 с.
- Магомедов, 1991** – *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Фонд Шамиля, 1991. 134 с.
- Овсянников, 2012** – *Овсянников Д.В.* Ташу-Хаджи: суфий и политик. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. 2012. Вып. 4. С. 158-165.
- Покровский, 2000** – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 535 с.
- Потто, 1904** – *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. Тифлис: тип. Я.И. Либермана, 1904. 594 с.
- Потто, 1994** – *Потто В.А.* Кавказская война. В 5 Т. Т.2. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 688 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сахно-Устимович, 2006** – *Сахно-Устимович П.М.* Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда. № 10. 2006. С. 145-179.
- Фадеев, 1960** – *Фадеев А.В.* Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни. // История СССР. 1960. № 4. С.37-58.
- Экштут, 1994** – *Экштут С.А.* В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. 228 с.
- Gammer, 2013** – *Gammer M.* Empire and mountains: The case of Russia and the Caucasus. // Social Evolution and History. 2013. Issue 2. Vol. 12. Pp. 120–142.
- Khodarkovsky, 2008** – *Khodarkovsky M.* The indigenous Elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus // Russian History. 2008. Vol. 35. Issue 1. pp. 129–138.
- Khodarkovsky, 2011** – *Khodarkovsky M.* Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. NY: Cornell University Press. 2011. 224 p.
- Mamedov, 2008** – *Mamedov M.* «Going native» In the Caucasus: problems of Russian Identity, 1801–1864. // The Russian Review. 2008. Vol. 67. Issue 2. pp. 275–295.
- Zelkina, 1996** – *Zelkina A.* Islam and Society in Chechnia: From the Late Eighteenth to the Mid-Nineteenth Century. // Journal of Islamic Studies. Vol. 7. №. 2. 1996. pp. 240–264.

References

- АКАК, 1875** – Aktyi Kavkazskoy arheograficheskoy komissii. [The acts of the Caucasian archaeographic Commission]. Vol. 6. Part 2. Tbilisi: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1875. 954 p. (In Russian)
- Akhmadov, 2002** – *Akhmadov Sh.B.* Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX vv. [Chechnya and Ingushetia in the XVIII – early XIX centuries] Elista: Jangar, 2002. 528 p. (In Russian)
- Akhmadov, 2009** – *Akhmadov Y.Z.* Oчерк istoricheskoy geografii i jetnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI–XVIII vekah. [Essay on the historical geography and political development in Chechnya in the XVI–XVIII centuries] М.: Blagotvoritel'nyj fond podderzhki chechenskoy literatury, 2009. 422 p. (In Russian)
- Bliev, 1994** – *Bliev, M.M., Degoev, V.V.* Kavkazskaya voyna. [Caucasian war] М.: Roset, 1994. 592 p. (In Russian)
- Bobrovnikov, 2002** – *Bobrovnikov V.O.* Musulmane Severnogo Kavkaza: obyichay, pravo, nasilie [The Muslims of the Northern Caucasus: tradition, law, violence]. М.: Vostochnaya literature, 2002. 368 p. (In Russian)
- Vachagaev, 2003** – *Vachagaev M.* Chechnya v Kavkazskoy voyne XIX st.: sobyitiya i sudby [Chechnya in the Caucasian war of XIX century: events and fate]. Kiev, 2003. 367 p. (In Russian)
- Volkonsky, 1886** – *Volkonsky N.I.* Voyna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 god v svyazi s myuridizmom [The war in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834, in connection with the Muridism]. Kavkazskiy sbornik [The Caucasian collection]. Vol. 10. Tbilisi: Tipografiya okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1886. pp. 1 – 224. (In Russian)

- Gapurov, 2002** – *Gapurov Sh.A.* Rossiya i Chechnya v pervoy chetverti XIX veka [Russia and Chechnya in the first quarter of the XIX century]. Nalchik: El-fa, 2002. 448 p. (In Russian)
- Gapurov, 2003** – *Gapurov Sh.A.* Severnyiy Kavkaz v period «prokonsulstva» A.P. Ermolova (1816 – 1827 gg.). [The North Caucasus during the «proconsul» of A.P. Ermolov (1816 – 1827)] Nalchik: El-fa, 2003. 381 p. (In Russian)
- Gapurov, 2007** – *Gapurov Sh.A., Israilov A.M., Tovu Sultanov R.A.* Chechnya na zavershayuschem etape Kavkazskoy voynyi (stranitsyi hroniki rusско-gorskoy tragedii). [Chechnya at the final stage of the Caucasian war (page Chronicles of the Russo-Gorsky tragedy)]. Nalchik: El-fa, 2007. 310 p. (In Russian)
- Gapurov, 2008** – *Gapurov Sh.A., Abdurahmanov D.B., Israilov A.M.* Dagestan v kavkazskoy politike Rossii v pervoy chetverti XIX v. [Dagestan in Caucasian policy of Russia in the first quarter of the XIX century] Nalchik: Rep. poligrafkombinat, 2008. 482 p. (In Russian)
- Gapurov, 2014** – *Gapurov S.A., Gaziev T.I.* Stranitsyi istorii rossiysko-chechenskih otnosheniy (konets pervoy treti XIX veka) [Page the history of Russian-Chechen relations (the end of the first third of the XIX century)]. Fundamentalnyie issledovaniya . № 9-9. 2014. pp. 2096 – 2101. (In Russian)
- Ermolov, 1991** – *Ermolov A.P.* Zapiski 1798-1826. [Notes by A. P. Ermolov. 1798-1826]. M.: Vysshaya shkola, 1991. 475 p. (In Russian)
- Zaks, 1992** – *Zaks A.B.* (1992) Tashev-Hadzhi – spodvizhnik Shamilya [Tashev-Hadji – the companion of Shamil.]. Grozny: Kniga, 1992. 152 p. (In Russian)
- Zelkina, 1999** – *Zelkina A.* Islam v Chechne do rossiyskogo zavoevaniya [Islam in Chechnya before the Russian conquest]. Chechnya and Russia: societies and States. [Chechnya i Rossiya: obschestva i gosudarstva]. M: Polyform – Tilbury, 1999. pp.40-62. (In Russian)
- Ibragimov, 2008** – *Ibragimov, M.M.* Istoriya Chechni s drevneyshih vremen do nashih dney. T. I. Istoriya Chechni s drevneyshih vremen do kontsa XIX veka [History of Chechnya from ancient times to the present day. Vol. I. The History of Chechnya from ancient times to the late nineteenth century]. Grozny: Knizhnoe izdatelstvo, 2008. 828 p. (In Russian)
- Istoriya narodov, 1988** – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. - 1917 g.) [The history of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII century - 1917)]. Resp. edited by L. A. Narochitskaya. M.: Nauka, 1988. 670 p. (In Russian)
- Karpov, 1996** – *Karpov U.U.* Dzhigit i volk. Muzhskie soyuzyi v sotsiokulturnoy traditsii gortsev Kavkaza [The Dzhigit and the wolf. Male alliances in their social and cultural traditions of highlanders of the Caucasus]. SPb.: MAE RAN, 1996. 312 p. (In Russian)
- Kovalevskii, 1911** – *Kovalevskii P.I.* Zavoevanie Kavkaza Rossiey. Istoricheskie ocherki [The conquest of the Caucasus by Russia. Historical essays]. SPb.: tip. M. I. Akinfeeva, 1911. 334 p. (In Russian)
- Kolosov, 1991** – *Kolosov L.N.* Slavnyiy Beybulat [Glorious Baybolat]. Grozny: Kniga, 1991. 173 p. (In Russian)
- Magomedov, 1991** – *Magomedov R.M.* Borba gortsev za nezavisimost pod rukovodstvom Shamilya [The struggle of the highlanders for independence under the leadership of Shamil]. Makhachkala: The Fund of Shamil, 1991. 134 p. (In Russian)
- Ovsyannikov, 2012** – *Ovsyannikov D.V.* Tashu-Haji: sufii i politic [Tasha-Haji: a Sufi and politician]. Vestnik St. Petersburg state University. Ser. 2. 2012. Vol. 4. pp. 158-165. (In Russian)
- Pokrovsky, 2000** – *Pokrovsky N.I.* Kavkazskie voynyi i imamat Shamilya [The Caucasian war and Shamil's Imam]. M.: ROSSPEN, 2000. 535 p. (In Russian)
- Potto, 1904** – *Potto V.A.* Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. [Approval of Russian domination in the Caucasus]. Vol. 3. Part 1. Tiflis: tip. J. I. Lieberman, 1904. 594 p. (In Russian)
- Potto, 1994** – *Potto V.A.* Kavkazskaya vojna [The Caucasian war]. 5 Vol. Vol. 2. Stavropol: Kavkazskiy Kray [Caucasian region], 1994. 688 p. (In Russian)
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskiy arhiv [The Russian state historical archive].
- Sakhno-Ustimovich, 2006** – *Sakhno-Ustimovich P.M.* Opisanie chechenskogo pohoda 1826 g. [Description of the Chechen campaign 1826]. Zvezda [The Star]. №10. 2006. pp. 145-179. (In Russian)
- Fadeev, 1960** – *Fadeev A.V.* Vozniknovenie myuridistskogo dvizheniya na Kavkaze i ego sotsialnyie korni [The origin of muridism movement in the Caucasus and its social roots]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1960. № 4. pp.37-58. (In Russian)
- Ekshtut, 1994** – *Ekshtut S.A.* V poiske istoricheskoy alternativyi. Aleksandr I. Ego spodvizhniki. Dekabristyi. [In the search for historical alternatives. Alexander I. of His associates. Decembrists.] M.: «Rossiya molodaya» [Young Russia], 1994. 228 p. (In Russian)
- Gammer, 2013** – *Gammer M.* Empire and mountains: The case of Russia and the Caucasus. Social Evolution and History. Issue 2. Vol. 12. pp.120 - 142. (In English)
- Khodarkovsky, 2008** – *Khodarkovsky M.* The indigenous Elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus // Russian History Vol. 35 Issue 1. pp. 129 - 138. (In English)
- Khodarkovsky, 2011** – *Khodarkovsky M.* Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. NY: Cornell University Press. 224 p. (In English)
- Mamedov, 2008** – *Mamedov M.* «Going native» In the Caucasus: problems of Russian Identity, 1801 – 1864. The Russian Review. 2008. Vol. 67. Issue 2. pp. 275 – 295. (In English)

Zelkina, 1996 – Zelkina A. Islam and Society in Chechnia: From the Late Eighteenth to the Mid-Nineteenth Century. Journal of Islamic Studies. Vol. 7. №2. 1996 pp. 240 – 264. (In English)

УДК 94(47).07

К вопросу о влиянии ислама на Чеченское восстание 1825 года

Владимир Борисович Лобанов ^{a, *}, Дмитрий Владиславович Овсянников ^b,
Тимур Михайлович Кармов ^b

^a Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье авторы анализируют причины, ход и итоги восстания горцев Чечни и равнинного Дагестана в 1825 году. Особое внимание уделяется мусульманской религии, которая выступила как идеологический фактор в формировании вооруженного противостояния горцев Северного Кавказа России. Анализируя роль руководителей движения, таких как Бей-Булат Таймиев, авторы пришли к выводу, что на данном этапе противостояния с Россией горцев смогла сплотить не только твердая рука военного предводителя, но и ислам. Относительно недавнее принятие ислама вайнахскими тейпами, а соответственно и невысокая религиозность привели к тому, что мусульманское духовенство находилось в подчиненном положении по отношению к военно-политическому руководству. Также авторы разделяют понятия «джихад» и «газават» и делают вывод, что для горцев Чечни данное движение носило характер «газавата» или борьбы под религиозными знаменами в защиту собственной территории, в то время как джихад следует понимать как борьбу за распространение ислама. Важным сюжетом работы является формирование основ государственности чеченцев в ходе военно-политических событий, организация институтов местной административной власти. Эти меры позволили Бей-Булату консолидировать разрозненные и нередко враждующие горские общества единой цели, а ислам способствовал преодолению межродовых и межплеменных противоречий и положил начало складыванию чеченской народности. Все это авторы разбирают на основе широкого материала, в том числе и неопубликованных архивных источников.

Ключевые слова: ислам, Кавказ, Чечня, шариат, тарикат, горцы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lobanov19772009@yandex.ru (В.Б. Лобанов),
warg-d@yandex.ru (Д.В. Овсянников), t.karmov@spbu.ru (Т.М. Кармов)